

—

Весна была в разгаре, и два кувшина сливового вина, подаренные Фу Мином Цзинь И, были выпиты. Когда двор покрылся густой зеленью и красными цветами, Фу Мин получил ответный подарок от Цзинь И. Подумав, он понял, что это, кажется, был первый раз, когда Цзинь И прислал что-то в Фан Мань Тин.

Люй Фэй, держа в руках подарочную коробку, не могла сдержать улыбки, а Вань Лань поспешно подошла и открыла её. Фу Мин вынул содержимое: два комплекта одежды, оба – плотные, практичные наряды.

Вань Лань удивлённо спросила: «Зачем господин прислал господину такую одежду?»

Люй Фэй сказала: «Господин — человек военный, может быть, он хочет, чтобы господин следовал за ним и занимался боевыми искусствами?»

Фу Мин тихонько задумался, у него появились кое-какие идеи, но он не был в них уверен, поэтому не стал говорить прямо, а лишь попросил их пока прибрать одежду.

Прошел уже год с тех пор, как Фу Мин вошел в особняк. Чжаоянь стал на год старше. Жэньлань и Синьюэ, получив разрешение старой госпожи, устроили для него довольно оживлённый день рождения.

Подарок на день рождения Фу Мин начал готовить за несколько месяцев. Когда он вручил его Чжаояню, тот без конца его рассматривал, и чем больше смотрел, тем больше он ему нравился. Это был иллюстрированный том «Книги песен», где были детально нарисованы различные птицы, звери, насекомые, рыбы, цветы и деревья из «Книги песен». Тонкость работы показывала, что даритель вложил в подарок чрезвычайную заботу.

Не только юный именинник был доволен, старая госпожа и Жэньлань, увидев подарок, тоже не переставали хвалить. Цзинь И же сказал Фу Мину: «Ребёнок, зачем так утруждаться?»

Фу Мин ответил: «Нельзя пренебрегать начальным обучением. Чжаоянь одарён от природы, и сейчас стоит вложить в него больше усилий».

Цзинь И кивнул, подвёл Чжаояня к Фу Мину и сказал Чжаояню: «Янь-эр, с сегодняшнего дня ты должен называть его по-другому, впредь не смей называть его дядей Мином, он, как и я, твой отец».

Вся комната замерла от удивления. Фу Мин остолбенел, а когда Чжаоянь назвал его «отцом», его глаза внезапно затуманились.

Цзинь И взял платок и вытер несколько горячих слезинок, выступивших из его глаз, затем взял его за руку и подвёл к месту старой госпожи. Они оба встали на колени. Старая госпожа, понимая всё, одной рукой слегка приподняла их, сказав: «Раз уж судьба свела вас, и вы нашли друг друга, то впредь живите в согласии».

Чжаоянь, кажется, всё понял, подбежал, обнял обоих своих отцов, прижимая личико к их ногам, и без остановки звал их.

Жэньлань рядом с улыбкой кивала, в её ясных глазах блестели слёзы. Синьюэ похлопала её по

плечу, тихо говоря про себя: «Госпожа, вы видите? Теперь у него снова есть кто-то рядом, он больше не одинок, вы можете быть спокойны».

Когда трапеза закончилась, луна сияла, звёзды мерцали. Чжаоянь, держась за край одежды Цзинь И, сказал: «Папа, у Янь-эра есть ещё одно маленькое желание».

Цзинь И спросил: «Какое?»

«Янь-эр хочет провести одну ночь с двумя папами, можно?»

Цзинь И посмотрел на Фу Мина, который не знал, что ответить. Цзинь И, видя его растерянность, но не отторжение, сказал Чжаояню: «Можно. Где Янь-эр хочет спать?»

«В Фан Мань Тин! В комнате дяди Мина Янь-эр уже спал днём, там так уютно!»

Трое вместе вернулись во двор Фан Мань Тин.

Люй Фэй, Вань Лань и другие служанки были так счастливы, что не могли сдержать улыбок на лицах, они суетились, убирая и прислуживая. После того как они уложили троих спать, в комнате для слуг всё ещё продолжался шёпот, более радостный, чем стрекотание цикад за зелёными шёлковыми окнами.

В комнате Фу Мина воцарилась тишина. Чжаоянь спал посередине, а Фу Мин лежал на внутренней стороне. Когда он только лёг, Фу Мин почувствовал сильное волнение, его сердце, казалось, выпрыгнет из груди. Чжаоянь обнял его за руку, уткнувшись лицом в его локоть, и вскоре крепко уснул. Слушая равномерное дыхание ребёнка, Фу Мин постепенно успокоился и задремал.

А Цзинь И, спавший с краю, оставался совершенно бодрым, пока луна не поднялась высоко. Он открыл глаза, слегка повернулся и посмотрел на двух спящих, прижавшихся друг к другу. Он протянул руку и нежно положил её на одеяло, покрывающее их, словно лёгкое, нежное объятие.

На следующее утро, когда Фу Мин и Чжаоянь проснулись, Цзинь И, который поздно лёг, уже не было в комнате.

Снаружи слышался неясный шум. Люй Фэй и Вань Лань, ведя двух-трёх служанок с тазиками и полотенцами, вошли в комнату, чтобы прислуживать им, пока они умывались и одевались, сказав: «Господин уже проснулся, он тренируется с мечом во дворе!»

Фу Мин попросил служанку открыть окно и увидел во дворе среди зелени Цзинь И, который без верхней одежды, в белой средней рубашке, держал ветку вместо меча. Его движения были плавными и отточенными, а листья и цветы, подхваченные сильным порывом ветра, кружились и падали.

Приведя себя в порядок, Фу Мин, взяв Чжаояня за руку, вышел из дома и встал под карнизом, наблюдая, как Цзинь И упражняется с мечом. Он был уже почти на последнем приёме, и Цзинь И быстро убрал меч. Фу Мин смотрел на беспорядок из красных и зелёных листьев на земле и подумал: если этот господин будет часто оставаться здесь на ночь, то, возможно, двор придётся перепланировать. Говорят, что Цзинь И не только искусен в фехтовании, но и в стрельбе. Может быть, помимо расширения пространства, нужно будет приготовить и мишени?

Однако после этого случая Цзинь И больше не оставался ночевать в Фан Мань Тин. Двор Фу

Мина так и осталась прежним: с пышными цветами и деревьями, извилистыми тропинками и уединёнными прудами. Только весна сменилась летом, и на ветвях вместо цветов уже выросли плоды среди листьев, а двор был полон приятной зелени, не позволяющей летнему зною проникнуть внутрь.

Хотя Фу Мину не нужно было избегать летней жары, Цзинь И взял его с собой в летний курорт во дворец Цюйвэй, место, где можно было спастись от зноя. Дворец Цюйвэй — это временный дворец на горе Цюйвэй, в ста ли от столицы. В этом году третий принц уже просил императора разрешения использовать дворец Цюйвэй для летнего отдыха после летнего солнцестояния, и император дал согласие.

Третий принц отправился в этот путь не только со своей наложницей и детьми, но и с несколькими гражданскими и военными чиновниками, которых он ценил. Все они могли брать с собой семьи.

Перед отъездом Фу Мин попросил Вань Лань упаковать в багаж два комплекта практичной одежды, подаренные ему Цзинь И. Только тогда все поняли истинное намерение Цзинь И, подарившего Фу Мину эти вещи.

Вань Лань упаковывала одежду Фу Мина, а Люй Фэй — остальные мелочи. Закончив, Люй Фэй подошла к Фу Мину, её лицо слегка покраснело, и она тихо сказала: «Гунцзы, всего две коробки. В коробке с мелочами есть потайной ящик, а в нём — два маленьких флакончика. В них... то, что, возможно, пригодится господину и вам. Если понадобится, не забудьте взять».

Фу Мин спросил: «Разве ты не едешь с нами? Если нам что-то понадобится, ты просто дашь мне это».

«Ох, Гунцзы, тогда меня, возможно, не будет рядом с вами!» — Люй Фэй покраснела ещё сильнее от нетерпения. Вань Лань в отдалении хихикала. Их господин был несравненно умён, но в некоторых вещах так наивен.

Фу Мин, увидев их реакцию, немного подумал, понял, и его лицо тоже покраснело. Он сказал: «Я понял. Вы собирайтесь, а я пойду посмотрю, как дела с багажом у господина». Сказав это, он поспешно вышел.

Внутри Люй Фэй и Вань Лань переглянулись и одновременно рассмеялись.

После летнего солнцестояния группа из почти двухсот человек, включая слуг и охранников, отправилась во дворец Цюйвэй.

Путь из столицы во дворец Цюйвэй был довольно долгим. Летнее солнце в ясный день было палящим, и скакать верхом было нежелательно, поэтому Цзинь И и Фу Мин ехали в одной карете.

Фу Мин читал исторические книги предыдущей династии, а Цзинь И — более древние трактаты по военному искусству.

Фу Мин только что закончил читать свиток, размышляя о том, справедливо ли судил автор, когда услышал, как Цзинь И вдруг спросил: «В эти дни я вижу, что ты очень занят бумажной работой, есть какие-то планы?»

Фу Мин оторвал взгляд от строк и, подняв голову, спросил: «Как господин находит эти исторические книги?»

«Императоры и полководцы, их поступки и свершения, расцветы и упадки — всё это может служить для прославления предков и для поучения потомков».

Фу Мин кивнул: «Господин совершенно прав. Но я думаю, этого всё равно недостаточно».

Цзинь И заинтересовался и спросил: «Почему недостаточно?»

«Летописи и хроники записывают императоров и полководцев, их поступки и свершения, расцветы и упадки. Но они не описывают еду и питьё простых людей, не повествуют о мире обыденной жизни».

«Еда и питьё? Обыденная жизнь? Что в этом достойного записи?»

Фу Мин сказал: «Господин — человек, чьи деяния достойны быть записанными в истории, поэтому, конечно, вы не считаете, что эти вещи достойны упоминания. Но среди множества людей, таких как вы, мало. В этой жизни, без возможности попасть в летописи, действительно важным является лишь одежда, еда, жильё и передвижение. Потомкам, конечно, не нужно помнить этих людей, но иногда, оглядываясь назад, мельком взглянув на следы жизни предков, зная, что они тоже трудились, жили весело, радовались, грустили... Это тоже своего рода память, не так ли?»

Цзинь И, услышав это, долго молчал, а затем сказал: «Значит, ты собираешься написать о жизни, еде, жильё, труде, радостях и печалях простых людей?»

Фу Мин слегка улыбнулся: «Это для них, и для меня самого».

Цзинь И снова помолчал, а затем сказал: «Если в будущем я совершу ещё большие подвиги, я смогу просить Его Величество даровать тебе титул, и тогда ты сможешь остаться в истории вместе со мной».

«Господин, ваши устремления поистине высоки», — Фу Мин внутренне радовался его амбициям, улыбка озарила его лицо: «Я жду того дня». Но в его сердце остались невысказанные слова: быть записанным в историю как придаток одного человека, занимая незначительный уголок, хотя и почётно, но это не то, чего он искал.

Они больше не обсуждали это, и Цзинь И стал рассказывать Фу Мину о дворце Цюйвэй. В детстве он приезжал сюда со своим дедом, сопровождая императора на летний отдых. Благодаря его памяти, многие картины прошлого всё ещё были ясными.

«Прежде чем приехать, я попросил у третьего принца павильон Юньшэн. Тебе обязательно понравится».

Фу Мин почувствовал лёгкое предвкушение и осознал, что на этот раз ему придётся жить с Цзинь И, почти целый месяц. Вспомнив слова Люй Фэй перед отъездом, он почувствовал, как его лицо снова загорелось.

«Почему лицо такое красное?» Цзинь И протянул руку: «Немного горячо, тебе очень жарко? Может, солнечный удар?»

Фу Мин поспешно покачал головой: «Просто немного жарко, ничего серьёзного».

Цзинь И налил Фу Мину чашку холодного чая, затем достал складной веер, раскрыл его и стал обмахивать его. Фу Мин допил чай и, взглянув на веер, увидел надпись: «Один меч, мороз

четырнадцать областей». Он засмеялся и сказал: «Этот веер прошлогодний, немного потрёпанный. Когда вернёмся в столицу, я напишу для господина новый».

В глазах Цзинь И заиграла улыбка: «Этот веер хоть и старый, но не сломан, и всё ещё хорошо служит, менять его не нужно. И мы ещё даже не приехали, а ты уже думаешь о делах после возвращения, не слишком ли ты нетерпелив?»

Фу Мин услышал в словах Цзинь И шутливый тон и тоже засмеялся: «Господин совершенно прав. Дворец Цюйвэй — это такое чудесное место, я мечтаю жить там долго, и, надеюсь, мне выпадет какое-нибудь чудо, и я стану настоящим бессмертным!»

Цзинь И, видя его хитрый вид, почувствовал легкое волнение. Он сложил веер, легонько коснулся его рукояткой лба Фу Мина, и в его улыбке проскользнула невольная нежность. Фу Мин замер, не успев опомниться, как его лоб снова ощутил тепло — это были губы Цзинь И, лишь слегка коснувшиеся и тут же отпрянувшие, но словно зажгли на лбу искру. И эта искра, едва погаснув на лбу, тут же разгорелась в сердце.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118423>